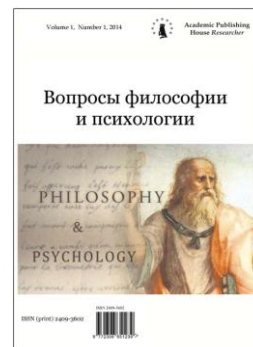

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 4, Is. 2, pp. 121-126, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.4.121
www.ejournal20.com

UDC 1

Tradition of «the New Person» in Russian Education History

Victor I. Polischuk

Branch of the Tyumen state University in Ishim, Russian Federation
Doctor of Philosophy, professor
E-mail: v.i.p.1945@mail.ru

Abstract

The article is devoted to numerous attempts in Russian education history to bring up the "new" person and, thereby, to put in pawn bases of new culture. In particular, it is a question of the events connected with a christening of Russia, with Petrovsky reforms, with Catherine II educational activity and its favourite - I.I. Betsky. The aspiration of the power to see the citizens the updated, not burdened vestiges of the "wrong" past was the basic motive of such attempts. The original contribution to tradition «the new person» was made also by D.I. Mendeleev who has created the project «School of instructors». However the great scientist had other motives: it is necessary to bring up the new, philosophically formed tutors who, in turn, would bring up the new person. Differently, in activity on updating of the person remedial interaction is informative-educational and motivators is necessary. The powerful contribution, according to the author, in understanding of the valid updating of the person has brought N.I. Pirogov, having addressed to concept of the internal person.

Keywords: consciousness, education, culture, person I.I. Betsky, «new breed of people», education, «the internal person», «cultural event», motivation.

Они хотят сказать, что человека
можно изучать снаружи,
как огромное насекомое.
Г.К. Честертон

В истории российского образования есть малоизвестные страницы, которые в достаточной мере характеризуют российскую культуру. Некоторые из них связаны с воспитанием «нового человека». Традиция такого воспитания берёт начало ещё в Древнерусском государстве. В связи с введением христианства как государственной религии великий князь киевский Владимир организовал, по совету греков, первые училища. Дети, полагал он, оставаясь на попечении родителей, будут воспитаны, как и сами родители, в языческой вере. Летопись сообщает, что князь повелел собрать детей из известных фамилий для «обучения книжного», причём матери оплакивали их как мёртвых, поскольку считали науку опасным чародейством. Избавить детей вовсе от родительского (языческого) влияния Владимир не смог, поэтому с введением христианства на Руси стало две веры: своя и чужая. В начале XV века один из католических иерархов сообщал в Рим, что религию русских трудно понять: то ли она оязыченное христианство, то ли охристианенное язычество.

Двоеверие породило безверие и двусмысленное отношение человека не только к религии, но и к власти, к отечеству, к его роли и судьбе. Оно же во многом определило и подозрительное отношение к культуре в целом, в представлении простого человека отождествлявшейся именно с христианством. Рассматриваемое как средство приобщения народа к культуре, христианство утвердилось на Руси в качестве официальной религии, но сознание людей по-прежнему оставалось доморощенным, полным суеверий.

Ещё одна попытка преобразовать сознание народа и воспитать, таким образом, «нового человека» была связана с реформаторской деятельностью Петра Великого. Причину отсталости России он объяснял весьма просто: «Западная Европа раньше нас усвоила науки древнего мира, и потому нас опередила, мы догоним её, когда в свою очередь усвоим эти науки» [9, с. 8]. Уже не религия, а наука рассматривалась как средство активизации и ускорения развития российской культуры и жизни в целом. Но результаты петровских преобразований ощущались в обществе явно, пока был жив император. После его смерти «птенцы гнезда Петрова» оказывали, конечно, какое-то влияние на российскую действительность, но оно было ничтожно малым и не «своим». К примеру, русские «верхи» общались между собой не на русском, а на немецком или французском языках, что не только само по себе не вызывало симпатий у народа, но и рождало у него недоверие ко всем инициативам людей действительно образованных и просвещённых.

Следующей по времени стала попытка создать «новую породу людей» в царствование Екатерины II. Мотивы попытки были теми же, что у Владимира и Петра: недовольство своим народом – тёмным, невежественным и неблагодарным. Императрицу беспокоили вспыхивавшие в разных местах страны крестьянские бунты, недостаточно выражавшаяся, как ей казалось, верноподданность среди дворян и чинов, их вольномыслие и дерзость. Четыре десятилетия, прошедшие со времени петровских преобразований, по мнению Екатерины II только портили народ. Идущее от Петра I уважение к науке оттеснило и обесценило воспитание, что, полагала она, было в корне неправильным. Поэтому всё, что ранее было сделано в области народного образования, не служило основной цели – господству престола над душами подданных, а не только над их умами.

Отдавая предпочтение воспитанию перед образованием, императрица разделяла, тем самым, взгляды французских просветителей. Кого из них, в частности? Задавая этот вопрос, профессор В.А. Бильбасов, спустя столетие со дня кончины Екатерины II, писал: «Не Руссо, конечно, которого она не выносила за его проповедь превосходства нравственного воспитания перед развитием умственных способностей, и на борьбу которого с культурой смотрела как на богомерзкую ересь против религии века» [1, с. 275]. Профессор явно не учитывал негативное отношение к Руссо самих просветителей, разделявшееся, по-видимому, императрицей. Но, может быть, не сознавая того, она стремилась реализовать мнение именно «жюневского чудака» о необходимости приоритета воспитания над образованием.

С этой целью планировалось создание новой системы воспитательно-образовательных учреждений. Осуществление таких замыслов Екатерина II поручила высокообразованному по тому времени и хорошо ей известному И.И. Бецкому. В своё время он служил камергером при дворе будущего императора Петра III и его супруги Екатерины Алексеевны, испытывавшей, по-видимому, к этому чиновнику нечто вроде духовной близости. Во всяком случае, именно Бецкой, находившийся под влиянием идей Я.А. Коменского, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, казался императрице самой подходящей кандидатурой, способной взять на себя руководство по созданию указанных учреждений.

Сам Бецкой получил не только хорошее образование, но и добротное воспитание, которое он старался распространить на учащихся во вверенных ему воспитательных учреждениях. Несомненно, он был предан своему делу: после своей смерти в 1795 г., не оставив прямых наследников, он завещал часть своего имущества некоторым учебным заведениям. Он был предан и Екатерине II, ценившей, несомненно, его отношение к себе. В одном из писем к ней Бецкой вспоминал, как в ответ на перечисление им всех её достоинств, она отвечала: «ей Богу, мой генерал, мне кажется, вы в меня влюблены» [2, с. 383]. А в конце одного из своих писем он восклицал: «Как жаль, что я не могу скинуть с костей моих лет 20 или 30; вы бы наделали дел с вашим весьма преданным и весьма верным поклонником!» [2, с. 399].

Как здравомыслящий человек, И.И. Бецкой понимал, что дать правильное воспитание можно только изолировав детей от устоявшихся традиций в области просвещения. В «воспитательные училища» должны были принимать детей не старше 5–6 лет и прививать им необходимые «добродетели и качества»: страх Божий, похвальные склонности, трудолюбие, учтивость, благопристойность, «соболезнование о бедных», знание «домостроительства», опрятность. Детей запрещалось бить, «грозить им и бранить, хотя и причины к тому бывают». Среди воспитанников надлежало выявлять особенно способных «обоюго пола», чтобы развивать в них природные дарования, «дабы произвести и превосходных людей по превосходству разума их и качества» [2, с. 401].

Бецкой искренне верил в возможность посредством правильного воспитания устранить изъяны «дурного» влияния на детей. Описывая Екатерине II характер её побочного сына А.Г. Бобринского, он отмечал: «...хорошее у него от природы, всё же худое является следствием дурного воспитания, ему данного; в нём задушили хорошие побуждения его органов, чтобы сделать машину обыденного послушания. Но зло не без исправления». И далее: «Я вручаю его послезавтра гувернёру, который, стараясь возбудить в нём любопытство ума и чувствительность сердца, сделает из него достойного человека; на эти два предмета, от которых зависят познания ума и качества сердца, не было обращено ни малейшего внимания» [2, с. 398].

Желая взрастить в своих воспитанниках «любопытство ума и чувствительность сердца», Бецкой старался проводить с ними время не только в стенах учебных заведений. С умилением писал он, как воспитанники 5-го класса делают ему честь, приходя к нему «по отделениям, по очереди, всякое воскресенье обедать и проводить часть дня на инспекции. Смею заверить, что невозможно лучше вести себя как они; я сам в восторге» [2, с. 389–390].

Временами всё же положение в воспитательных учреждениях, открытых при содействии Бецкого, не удовлетворяло его. Узнав о намерении императрицы посетить воспитательный дом, он прямо писал ей о своём сомнении в том, что она останется довольна. Московский воспитательный дом Екатерина II всё же посетила, благосклонно отозвавшись об этом в адрес Бецкого. Но и замечания были. Соглашаясь с ними, Бецкой так описывал и объяснял их: «Толщина мальчиков и девочек в доме, их неловкость, непонятливость, их угрюмый вид, молчаливость доказывают, очевидно, что до настоящей минуты не признали нужным обращать внимание на правила физического и нравственного их развития, так как даже и в здешних заведениях это с трудом можно ввести, заботятся только об учении. Эти упущения мне известны; я давно скорблю об этом и употребляю всё для исправления этого; едва ли не каждую неделю пишу я по этому поводу целую книгу совету опекунов и главному инспектору» [2, с. 404–405].

Как видно, Бецким были составлены и изданы для всех училищ уставы, содержавшие немало новых и впечатляющих педагогических идей. Но перед ним встал извечный в образовании вопрос: где найти соответствующих этим идеям воспитателей? В принципе он был не против «природных россиян», но, будучи сам той же «природы», достойных среди них найти особо не надеялся. Поэтому обращался в основном к иностранцам. Однако и среди тех не находилось нужных воспитателей. И в 1775 г. он писал Екатерине II: «Ни один из них (воспитателей – В.П.) не проявил надёжного умения; ни один не постигает настоящие цели учреждения; ни один не понимает его духа; они только заботятся о личных выгодах, ссорятся между собою и сплетничают друг на друга по привычке и худому их воспитанию. Мы принуждены будем, ваше величество, снова их заместить другими, вводя понемногу честных иностранцев или, по крайней мере, смешивая их вместе» [2, с. 405]. Бецкого вполне удовлетворяло лишь руководство воспитательно-образовательных учреждений: «Как я доволен, ваше величество, что достиг того, что мог поставить на одну ногу все три заведения, а именно, г-жа Лафон – в обществе девиц, г. Рибас – в кадетском корпусе и Закревский – в Академии Художеств и что они друг перед другом стараются об общем деле с рвением и неутомимым усердием» [2, с. 409]. Но заменить собой воспитателей даже самое хорошее руководство не могло, поэтому главное дело Бецкого – создание «новой породы людей» – было доведено, как он писал, до «позорной крайности». Этим и завершилось одно из неплохих начинаний в российском образовании, которому покровительствовала сама императрица. Всё просто, казалось бы: не прижились на российской почве идеи и опыт заграничных педагогов.

Но традиция создания «новой породы людей» и, следовательно, новой культуры, на этом не завершилась. Мнение молодого К. Маркса о том, что «воспитатель сам должен быть воспитан», для России не было ни новым, ни революционным. Через сто с лишним лет после Бецкого ту же проблему подбора «неиспорченных» пагубным влиянием российского общества педагогических кадров решал Д.И. Менделеев, разработавший проект закрытого учебного заведения для образования учителей и профессоров. В проекте были предусмотрены место строительства «Училища наставников», размеры здания, его сметная стоимость, заработная плата персонала и т.п. Со своим проектом учёный обратился в правительство, но, насколько мне известно, его предложение осталось без всякого внимания. Возможно ещё и из-за убеждения самого Д.И. Менделеева, которое он изложил в пояснительной записке: будущие наставники, чтобы производить «плодотворное действие», должны быть основательно образованными в области философских наук, поскольку польза в них прямо «не преследуется» [3, с. 234]. А у российского чиновничества, как известно, вызывает недоверие даже мысль о бессребреничестве, да и в самой философии оно ничего кроме вредности не видело.

Более чем через полвека, уже в советское время, вопрос о создании «новой породы людей», в изменённой, разумеется, формулировке, был вновь возведён в ранг государственного. В 1961 г. XXII съезд КПСС принял новую Программу партии, ставившей своей целью строительство в СССР коммунистического общества. В числе задач строительства была и такая: «воспитание нового человека». Правда, речь уже не шла о создании особых воспитательно-образовательных учреждений. Предполагалось, что вся система народного образования, наука, культура, искусство испытают расцвет и станут базой воспитания «нового человека». В Программе был сформулирован и своеобразный стандарт его личностных качеств – «Моральный кодекс строителя коммунизма» [4, с. 2297]. Масштабность задачи впечатляла, разумеется, и, по крайней мере, в сфере идеологии оказала несомненное влияние на советское общество.

Но судьба очередной попытки создать «нового человека» оказалась практически той же, что и у предыдущих попыток. Окончательное строительство коммунистического общества было отодвинуто на неопределённый срок, хотя идея «нового человека» провозглашалась на государственном уровне ещё и в 70-е годы [5]. Вернулись к ней и в середине 80-х, в связи с перестройкой и «новым социально-политическим мышлением» [6]. На этом, собственно, и закончился советский опыт формирования «нового человека». Был ли он удачным? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя.

В постсоветской России особенно активными оказались вчерашние пионеры, комсомольцы, партийные работники. Они и стали инициаторами предпринимательства и приватизации бывшей общенародной собственности. Иными словами, сравнительно молодые люди, воспитанные «в духе пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма», а также «в духе преданности делу коммунизма» вдруг откристились не только от этого самого духа, но и от всех связанных с ним ценностей, во многом числе став нуворишами, стяжателями и властолюбцами. Впрочем, то же самое поспешили сделать и вчерашние воспитатели. Из этого можно заключить, что советский опыт оказался неудачным.

С другой стороны, централизация российской власти и растущий авторитаризм на всех уровнях воспроизводят сегодня режим управления обществом времён Советов. В соответствии с этим нарабатанный советской школой опыт воспитания постепенно стал воспроизводиться в сегодняшней российской школе. Иначе и не могло быть: ничего действительно нового в сфере воспитания модернизаторы и реформаторы российского образования за четверть века не изобрели. Следовательно, советский опыт формирования «нового человека» оказался не таким уж неудачным, пригодившись и «несоветской» власти.

Эта двойственность, противоречивость советского опыта, как и предшествующие ему попытки создать «новую породу людей» свидетельствуют о несоответствии официально провозглашаемых целей воспитания целям подразумеваемым. Провозглашался «новый» человек, а подразумевался «нужный», то есть благонадёжный, заслуживающий доверия власти. Это огорчало в своё время и Д.И. Менделеева, побуждало его к поиску новых условий воспитания воспитателей [3, с. 233].

Ведь в самом слове «воспитание» (вос-питание) слышится обращение к чему-то внутреннему в человеке, к тому, что его изначально питает, что необходимо обнаружить, придав ему совершенный вид. Да и термин «образование» означает, если исходить из этимологии слова, процесс формирования естественного, а не удобного кому-то облика, образа, вида. Такие образы вдохновляли И.И. Бецкого и Д.И. Менделеева. О таком образе писал и Н.И. Пирогов: «Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у вас будут люди и граждане» [7, с. 37]. Что такое внутренний человек – демон Сократа или просто совесть, голос рассудка или спрессованный в каждом человеке опыт всего человеческого рода? Чем бы он ни был, он внутри нас, это наш внутренний мир. Ему-то и нужно дать «выработаться и развиваться», то есть воспитать его, чтобы он приобрёл действительно свой, а не кем-то наделённый образ.

Очевидно, что в описанных выше попытках создания нового человека внутреннему миру воспитуемых уделялось внимания меньше, чем их словам, поступкам, поведению, то есть внешней деятельности. Отчасти это можно объяснить распространённым убеждением, что никакого «внутреннего человека» либо не существует, либо его легко можно подчинить наружному, а не наоборот. Убеждение в нереальности, несущественности внутреннего, субъективного в человеке, по мнению известного отечественного психолога В.К. Вилюнаса является примером «самого, пожалуй, нелепого научного заблуждения XX века» [8, с. 257]. Это убеждение в XIX в. было заимствовано гуманитариями из естествознания. Но уже к середине XX столетия для многих известных педагогов и психологов именно человеческая субъективность стала реальным предметом исследований. Такого рода переоткрытие внутреннего мира происходило и в теории обучения, где описывались и предлагались практике соответствующие методы и системы.

А в конце XX столетия о внутреннем мире заговорили и сами естественники: «Но сегодня, когда физики пытаются конструктивно включить нестабильность в картину универсума, наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [9, с. 48]. Остаётся надеяться, что это «культурное событие» станет достоянием российских руководителей в области образования, что очередное поколение, выросшее во времена недавних социальных потрясений, не останется без внутреннего мира и не станет потерянным.

Примечания:

1. Бильбасов В.А. Памяти императрицы Екатерины II / В.А. Бильбасов // Русская старина. 1896. №11.
2. Бецкой И.И. К императрице Екатерине II / И.И. Бецкой // Русская старина. 1896. № 11.
3. Менделеев, Д.И. Народное просвещение и высшее образование / Д.И. Менделеев. Сочинения. Л.-М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 23. 385 с.
4. КПСС: Справочник / Д.И. Антонюк, Ю.Н. Амиантов, В.В. Аникеев и др. М.: Политиздат, 1982. 446 с.
5. Ходячий Ф.З. За нового человека! / Ф.З. Ходячий // Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917–1975). М.: Политиздат, 1977. С. 276–298.
6. Развитие личности в условиях перестройки / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М., Баграмов Э.А. и др. // Очерк истории социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 300–315.
7. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / Н.И. Пирогов. М.: Просвещение, 1985. 370 с.
8. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. М.: Изд-во МГУ, 1990. 261 с.
9. Пригожин, И. Философия нестабильности [Текст] // Вопросы филос. 1991. № 6. С. 46–52.

References:

1. Bil'basov V.A. Pamyati imperatritsy Ekateriny II / V.A. Bil'basov // Russkaya starina. 1896. №11.
2. Betskoi I.I. K imperatritse Ekaterine II / I.I. Betskoi // Russkaya starina. 1896. № 11.

3. Mendeleev, D.I. Narodnoe prosveshchenie i vysshee obrazovanie / D.I. Mendeleev. Sochineniya. L.-M.: Izd-vo AN SSSR, 1952. T. 23. 385 s.
4. KPSS: Spravochnik / D.I. Antonyuk, Yu.N. Amiantov, V.V. Anikeev i dr. M.: Politizdat, 1982. 446 s.
5. Khodyachii F.Z. Za novogo cheloveka! / F.Z. Khodyachii // Sovetskaya intelligentsiya. Kratkii ocherk istorii (1917–1975). M.: Politizdat, 1977. S. 276–298.
6. Razvitie lichnosti v usloviyakh perestroiki / Smirnov G.L., Andreev E.M., Bagramov E.A. i dr. // Ocherk istorii sotsializma. M.: Politizdat, 1989. S. 300–315.
7. Pirogov N.I. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya / N.I. Pirogov. M.: Prosveshchenie, 1985. 370 s.
8. Vilyunas V.K. Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka / V.K. Vilyunas. M.: Izd-vo MGU, 1990. 261 s.
9. Prigozhin, I. Filosofiya nestabil'nosti [Tekst] // Voprosy filos. 1991. № 6. S. 46–52.

УДК 1

Традиция «нового человека» в истории российского образования

Виктор Иванович Полищук

Филиал Тюменского государственного университета в г. Ишиме, Российская Федерация
доктор философских наук, профессор
E-mail: v.i.p.1945@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена неоднократным попыткам в истории российского образования воспитать «нового» человека и, тем самым, заложить основы новой культуры. В частности, речь идёт о событиях, связанных с крещением Руси, с петровскими реформами, с просветительской деятельностью Екатерины II и её фаворита – И.И. Бецкого. Основным мотивом таких попыток было стремление власти видеть своих подданных обновлёнными, не обременёнными пережитками «неправильного» прошлого. Своеобразный вклад в традицию «нового человека» сделал и Д.И. Менделеев, создавший проект «Училища наставников». Однако у великого учёного были иные мотивы: необходимо воспитать новых, философски образованных воспитателей, которые, в свою очередь, воспитали бы нового человека. Показано, что в деятельности по обновлению человека необходимо процессуальное взаимодействие познавательно-образовательных и мотивационных факторов. Весомый вклад, по мнению автора, в понимание действительного обновления человека внёс Н.И. Пирогов, обратившись к понятию внутреннего человека.

Ключевые слова: сознание; образование; культура; личность И.И. Бецкого; «новая порода людей»; воспитание; «внутренний человек»; «культурное событие»; мотивация.